

Ольга Богданова: *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология*. Москва 2019, 288 с.

Интерес к русской усадебной культуре в гуманитарных науках возник в 90-е гг. XX в. На первых этапах целью исследований была переоценка феномена дворянской усадьбы, признание не только социальных противоречий (проблема крепостного права, составляющего экономические основания усадебной жизни), но и ее особого статуса в русской культуре, ее тексто- и мифопорождающей функции. Включение данного феномена в проблемное поле литературоведческих исследований привело к появлению таких понятий, как усадебный топос, усадебный текст, усадебный миф, усадебный герой, усадебный сюжет и др. Формы репрезентации усадебного пространства стали фактором, объединяющим произведения авторов разных литературных направлений и эпох в единый свертхтекст.

Большое количество работ, посвященных «усадебной» тематике, появившееся более чем за два десятилетия, создает впечатление исчерпанности проблемы и ставит исследователя перед сложными задачами: с одной стороны, доказать актуальность обращения к теме, предложить новые методологические подходы, с другой – систематизировать имеющийся материал.

Автор рецензируемой монографии, опубликованной в рамках проекта Российского научного фонда № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», реализуемого в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, решает обе задачи. Обобщая теоретические концепции структуры и эволюции топики, разработанные А. М. Панченко, Э. Р. Курциусом, А. А. Булгаковой, О. А. Богданова очерчивает границы усадебного топоса в контексте смежных с ним понятий усадебного мифа, усадебного текста и хронотопа. Так, по мнению автора монографии, понятия «хронотоп» и «топос» соотносятся между собой как индивидуально-авторское и общее, коллективное, в свою очередь, усадебный миф является порождением и развитием усадебного топоса – «в результате аккумуляции “поэтосферы” русской усадьбы он окончательно сложился только в 1910-е гг., на фоне общей мифологизации и архаизации в эпоху модерна» (с. 16). В определении семантики усадебного мифа О. А. Богданова следует за В. Г. Щукиным, который в монографии «Миф дворянского гнезда»¹ рассматривает его как сложившееся в массовом сознании идеализированное представление о том образе жизни, который вели обитатели дворянских гнезд, наслаждаясь природой и произведениями искусства.

К настоящему времени в литературоведении определена система семантических констант усадебного текста, относящегося к «золотому веку» русской усадьбы (конец XVIII – середина XIX вв.). Традиционно усадебное пространство описывается посредством бинарных оппозиций (деревня – город, частное – публичное, свое – чужое, природа – цивилизация и т.д.). О. А. Богданова выходит за рамки структурно-семиотической методологической призмы и определяет специфику усадебного топоса с точки зрения аксиологических

¹ Василий Щукин. *Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе*, в: *Российский гений просвещения*. Москва 2007. 608 с.

доминант русской культуры, то есть в культурологическом ключе. В таком аспекте одним из ключевых свойств усадебной культуры «петербургского периода», по мнению автора, является «тернарность», поскольку она представляет собой «художественный перекресток», где, соединялись, взаимно обогащаясь, черты западноевропейского (входившего в дворянский кругозор) и национально-традиционного (крестьянского) искусства» (35–36). Именно это свойство русской усадьбы, объединяющее разные сословия и преодолевающее общественный раскол, характерный для русской культуры послепетровского времени, привлекает Ф. М. Достоевского, который традиционно рассматривается в числе «усадебных» авторов.

Обращаясь к топосам усадьбы и дачи в творчестве Ф. М. Достоевского, О. А. Богданова решает проблему их разграничения этих культурных феноменов, которые в разные периоды русской истории выполняли различные функции и потому дают основание для со- и противопоставления по ряду признаков. Дача противопоставлена усадьбе – замкнутому, элитарному пространству жизни нескольких поколений как пространство временное, открытое по отношению к окружающей территории, демократическое. Важным параметром является также сельскохозяйственная функция усадьбы, просветительские занятия ее хозяина, противостоящие дачной праздности и скуке. Несмотря на негативную характеристику дачного топоса в сатирической литературе второй половины XIX в., отразившуюся впоследствии в чеховском «Вишневом саде», Ф. М. Достоевский видит в нем площадку для межсословного диалога, приобретающего особое значение в пореформенную эпоху. Как показывает О. А. Богданова, усадебный и дачный топосы в романе «Идиот» выполняют социокультурную функцию, отражая переход от аполлинизма «петербургского периода» русской истории, воплощенного в дворцово-парковом комплексе Павловска, к дачному «беспорядку», поэтому топос дачи в романе амбивалентен: «... наряду с положительным эффектом социальной солидарности “дачный топос” порождает неприемлемое для Достоевского ограничение суверенности человеческой личности, например, шпионство за князем со стороны Лебедева и попытку объявить его сумасшедшим после расстройства свадьбы с Настасьей Филлиповной» (с. 88).

Большой интерес представляют недостаточно изученные на сегодняшний день модификации усадебного топоса, возникшие после 1917 года. Этой теме посвящена вторая часть монографии, в которой отражены не только аксиологические доминанты восприятия усадеб, ставших в постреволюционное время санаториями, музеями, пионерскими лагерями, но и интермедиаальный аспект функционирования топоса. Серебряный век осмысливает топос усадьбы как уникальную форму национальной культуры. В постреволюционных произведениях И. А. Бунина, А. Н. Толстого, М. А. Булгакова, М. М. Пришвина сохранение или разрушение эстетических, религиозно-философских, национальных смыслов усадебного топоса зависит от точки зрения автора, рассказчика или героя – советского школьника, старого слуги, или «бывшего» (князя, владельца имения и т.д.). В результате, по мнению автора, увеличивается роль субъектной структуры произведения, коммуникативного измерения текста.

Реактуализация усадебного неомифа Серебряного века наблюдается в литературе 1990–2010-х гг. В этот период, согласно О. А. Богдановой, последовательно сменяются две

тенденции, характеризующие осмысление дореволюционного культурного наследия. На первом этапе происходит постмодернистская деконструкция усадебного мифа, что отчетливо проявляется в творчестве В. Сорокина («Роман», 1994), В. Пелевина («t», 2009), М. Шишкина («Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова», 1993). В литературе 2010-х гг. деконструкция усадебной топики сменяется ее реконструкцией. На примере романа Е. Водолазкина «Авиатор» (2017) и сборника рассказов А. Слаповского «Туманные аллеи» (2019) автор монографии показывает, как реконструируется усадебный миф в процессе перехода от постмодернизма к метамодернизму.

Актуальность представленного в монографии подхода к изучению усадебной топики видится в том, что оно включается в контекст междисциплинарных исследований последних десятилетий – так называемых «поворотов» в науках о культуре (пространственный, визуальный, переводческий). Используя понятие габитуса, выдвинутое П. Бурдьё, О. А. Богданова вводит формулу «усадебный габитус», понимая под ней совокупность моделей восприятия, мышления, поведения, сформированных в пространстве усадьбы. Это понятие позволяет рассматривать усадебный топос как пространство, порождающее модели поведения и систему ценностей, устойчивую в других социальных полях. Значимость «усадебного габитуса» в национальной картине мира подтверждается обращением современных писателей к усадебной топики, что может стать предметом дальнейших исследований и в свою очередь демонстрирует продуктивность предложенного в рецензируемой монографии подхода к изучению усадебного сверхтекста русской литературы.

Ольга Гриневич
(Гродненский Государственный университет им. Я. Купалы)